

Монастырская колонизация и хозяйственное освоение земель Русского Севера в первой половине XVI в.

Никита Башнин

The monasteries' colonization and the land reclamation on the Russian North in the first half of the sixteenth century

Nikita Bashnin (Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of
Sciences)

Формирование единого Русского государства, присоединение и освоение новых земель – одна из центральных проблем истории Средневековой Руси. Колонизация Русского Севера, Европейского Севера или Поморья¹ по берегам Кубенского озера, в Белозерье, по рекам Вологде, Сухоне, Северной Двине, Онеге и другим водным артериям происходила силами новгородцев и выходцев из Ростова². Как отметил Н.А. Макаров, «одним из важнейших итогов изучения севернорусской деревни можно считать выявление мощных процессов формирования новых расселенческих структур и аграрного ландшафта на огромных пространствах лесной полосы Восточной Европы в X – первой половине XIII в.»³. Археологические раскопки показывают, что в тот период население обширного региона сочетало христианские и языческие традиции, фиксиру-

© 2015 г. Н.В. Башнин

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ МК-5985.2015.6.

¹ П.А. Колесников считал, что о Русском Севере в целом можно говорить как о памятнике отечественной и мировой культуры (*Колесников П.А. История северного крестьянства: проблемы и перспективы исследования // Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера: Межвузовский сборник научных трудов. Вологда, 1992. С. 5*). О географическом положении региона и его административно-территориальном делении см.: *он же. Северная деревня в XV – первой половине XIX века. Вологда, 1976. С. 35–71; Васильев Ю.С. Аграрные отношения в Поморье XVI–XVII вв. Сыктывкар, 1979. С. 22–30.*

² *Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. М., 1951. С. 108–109; История северного крестьянства. Т. 1. Крестьянство Европейского Севера в период феодализма. Архангельск, 1984. С. 37–46; Макаров Н.А. Новгородская и ростово-суздальская колонизация в бассейнах озер Белое и Лача по археологическим данным // Советская археология. 1989. № 4. С. 86–102; он же. Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993. С. 6–9; он же. Колонизация Севера в X–XIII вв. и некоторые общие проблемы взаимоотношения центра и окраин в истории Древней Руси // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996. С. 170–175; он же. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв.: По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М., 1997. Отмечу, что у колонистов происходила «метисация с фино-угорскими группами» (*Бужилова А.П. Средневековое население Мининского микрорегиона: анализ антропологических материалов // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 3. Палеоэкологические условия, общество и культура. М., 2009. С. 44*).*

³ *Макаров Н.А. Археологическое изучение древнерусской деревни X–XIII вв. // Археология севернорусской деревни... Т. 1. Поселения и могильники. М., 2007. С. 16. Итоги изучения системы сельского расселения в Кубенском Поозерье в X–XIII вв. см.: он же. Средневековые памятники и система расселения X–XIII вв. // Там же. С. 61–62.*

ется устойчивое «сочетание славянских и финских культурных элементов»⁴, присутствует влияние мерянской (верхневолжской) культуры⁵.

Вторая волна освоения этих территорий приходится на период монастырского учредительства и деятельности митрополита Алексия, преподобных Сергия Радонежского, Стефана Пермского, а также их учеников и последователей. На Русский Север вместе с крестьянами шли монахи⁶, которые не только искали молитвенного уединения, но и ставили перед собой задачу христианизации региона. Ю.С. Васильев отметил, что в результате проводимой Стефаном Пермским и устюжскими дружинами «государственно-монастырской колонизации» возникают городки Усть-Вымь, Яренск и Вотча, причём «особенно активизируется монастырская колонизация» в XV–XVI вв.⁷ Л.И. Ивина исследовала монастырскую колонизацию Вологодского края в XIV–XVI вв.⁸ Её наблюдения относительно Первой половины Вологодского уезда детализировала и углубила И.Н. Шамина⁹.

Я.Е. Водарский высказал мысль об условности и непригодности значения термина «монастырская колонизация»¹⁰. Он категорически утверждал, что «монастырской “колонизации” Севера, вопреки ещё встречающемуся живучему представлению... фактически не было»¹¹. Однако лишь соглашаясь с мнением А.А. Савича и И.У. Будовница, Водарский писал, что говорить о монастырской колонизации «не приходится, потому что монастыри основывались в уже заселённых местах»¹². Развивая свою мысль, он заметил, что «монастыри появлялись на свободных участках уже полностью или частично заселённой и хозяйственно освоенной русскими крестьянами или коренным населением территории»¹³.

В приведенных цитатах содержится противоречие: всё же монастыри основывались в уже заселённых местах или на свободных участках? При этом Я.Е. Водарский не упоминал о проблеме «внутренней колонизации»¹⁴ и не по-

⁴ Макаров Н.А. Культурная идентичность и этническая ситуация на окраинах // Там же. Т. 3. С. 91.

⁵ Подробнее о первой волне колонизации см.: Археология севернорусской деревни... Т. 1–3. М., 2007–2009.

⁶ Замечу, что в известных мне источниках термин «монах» встречается редко и, как правило, во второй половине XVII – начале XVIII в. В предшествующий период употреблялись понятия «старец», «инок», «чернец».

⁷ Васильев Ю.С. Аграрные отношения... С. 35, 37. О монастырской и народной колонизации смотри также: Колесников П.А. Введение // Родословие вологодской деревни (Список древнейших деревень – памятников истории и культуры). Вологда, 1990. С. 8, 17.

⁸ Ивина Л.И. Внутреннее освоение земель России в XVI в. Историко-географическое исследование по материалам монастырей. Л., 1985. С. 170–237.

⁹ Шамина И.Н. Монастыри Вологодского уезда в XVI–XVII вв.: землевладение и организация хозяйства. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 57–80.

¹⁰ Водарский Я.Е., Истомина Э.Г. Православные монастыри России и их роль в развитии культуры (XI – начало XX в.). Тула, 2009. С. 6.

¹¹ Водарский Я.Е., Истомина Э.Г. Указ. соч. С. 30.

¹² Там же. С. 53; Савич А.А. Главнейшие моменты монастырской колонизации Русского Севера в XIV–XVII вв. // Сборник Общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете. Вып. 3. Пермь, 1929. С. 115; Будовниц И.У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI вв. М., 1966. С. 357–358.

¹³ Водарский Я.Е., Истомина Э.Г. Указ. соч. С. 54.

¹⁴ В Большой советской энциклопедии колонизация определяется как «процесс заселения и хозяйственного освоения пустующих окраинных земель своей страны (“внутренняя колонизация”)», а также как «основание поселений (связанных преимущественно с сельскохозяйственной деятельностью) за пределами своей страны (“внешняя колонизация”)» (Большая советская энциклопедия. Т. 12. М., 1973. С. 446).

ставил вопроса о движущих силах этого процесса и роли монастырей в хозяйственном освоении огромных территорий Русского Севера. Он подчеркнул, что необходимо говорить только о «распространении монастырей»¹⁵. Это справедливо для проведённого им статистического исследования, но подсчёты количества монастырей в то или иное столетие практически не говорят о собственно колонизации, хозяйственном освоении земель Русского государства и роли в данном процессе духовных вотчинников. Поэтому с утверждениями Водарского относительно монастырской колонизации согласиться нельзя. В Вологодском уезде на основании сохранившихся документов возникает иная картина. В настоящей статье рассматривается проблема формирования сети сельских поселений в первой половине XVI в. и роль в этом процессе монастырей.

Вопросы колонизации и хозяйственного освоения Поморья рассмотрены в фундаментальном труде П.А. Колесникова¹⁶. Согласно его подсчётам, в Центральном, Северо-Западном и Северо-Восточном Поморье, в Вятской земле и Приуральских уездах в первой четверти XVII в. насчитывалось 2 184 починка, займища и выставки (9.8% всех жилых населённых пунктов)¹⁷. Такое количество новых поселений свидетельствует о внутренней колонизации, которая проходила в восточных уездах Поморья. В Вятских землях зафиксировано 1 616 (32.8%) таких поселений, причём «почти половина всех селений» была починками¹⁸. На втором месте по удельному весу населённых пунктов этого типа находятся приуральские уезды. По мере продвижения с востока к центру и западу Поморья новых поселений становится всё меньше. В 1620-е гг. в Вологодском и Устюжском уездах, как заметил Колесников, «починков чрезвычайно мало»¹⁹. В Вологодском уезде в эти годы было 5 030 жилых поселений и 3 791 запустевшее (57 и 43% соответственно)²⁰. Анализируя эти статистические данные, Колесников отметил, что процесс внутренней колонизации в Вологодском уезде «в основном закончился в XVI в.»²¹. Об этом историк судил на основании совокупности сведений из писцовых материалов второй половины XVI–XVII в. Однако некоторые наблюдения учёного можно уточнить и детализировать на основании материалов писцового дела 1540-х гг.

В 1530–1540-х гг. проводилось описание земель в Московском государстве. Н.П. Воскобойникова предположила, что оно началось в 1538 г. сразу после смерти Е. Глинской и начала боярского правления, а завершилось к 1547 г.²² Г.В. Абрамович датирует описание 1536–1545 гг.²³ Е.И. Колычева отметила, что «определить точные хронологические рамки второй валовой переписи» трудно; по её мнению, «основная волна переписи приходится на период 1540–1544 гг.»²⁴. Она подчеркнула, что «впервые в истории сошного описания владельцам земли, вотчинникам

¹⁵ Водарский Я.Е., Истомина Э.Г. Указ. соч. С. 54.

¹⁶ Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века. Вологда, 1976.

¹⁷ Там же. С. 82.

¹⁸ Там же. С. 83.

¹⁹ Там же. С. 78, 84.

²⁰ Там же. С. 78. Подсчёты процентов мои.

²¹ Там же. С. 84.

²² Воскобойникова Н.П. Писцовые и переписные книги Яренского уезда XVI–XVII вв. как исторический источник // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. I. Вологда, 1970. С. 214.

²³ Абрамович Г.В. Поместная система и поместное хозяйство в последней четверти XV–XVI в. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1975. С. 20.

²⁴ Колычева Е.И. Аграрный строй России XVI века. М., 1987. С. 16.

стали выдаваться сотные грамоты», и отмечает, что это были «документы нового типа»²⁵.

Писцовых книг Вологодского уезда 1540-х гг. не сохранилось, но известны сотные грамоты, на основании которых можно судить о земледельческом освоении региона. Опираясь на четыре сотницы, выданные властям Кирилло-Белозерского, Спасо-Прилуцкого, Лопотова Григорьево-Пельшемского и Дионисиево-Глушицкого монастырей, Н.П. Воскобойникова пришла к выводу, что Т.А. Карамышев «с товарищи» описывали Вологодский уезд в 1543–1544 гг.²⁶ Эти сотные грамоты опубликованы²⁷. В описях монастырского имущества упомянуты ещё три сотных грамоты, которые выдали эти писцы Спасо-Каменному, Сямженскому Спасо-Евфимьеву и Корнильево-Комельскому монастырям²⁸ (их тексты до нас не дошли). Также известна одна сотная грамота, выданная Т.А. Карамышевым священнику Григорию из церкви Иоанна Богослова в Комельской волости на починок Коровин²⁹. Этот документ лаконичен и содержит сведения о небольшой территории, поэтому для анализа не привлечён. Т.А. Карамышев и Н. Милославский выдавали также грамоты других видов, часть из них сохранилась³⁰. Совокупность этих документов свидетельствует о проведении писцовых работ в регионе в начале 1540-х гг.

Итак, Вологодский уезд описывали Тимофей Андреевич Карамышев и Никита Козлов сын Милославский. Сведений о Милославском не выявлено, а Карамышев происходил из семейства, которое вело свой род от татарина Карамыша, выехавшего на Русь и поступившего на службу к московским князьям³¹.

²⁵ Там же. С. 17, 20.

²⁶ *Воскобойникова Н.П.* Вологодский уезд. Предисловие // Писцовые книги Русского Севера. М., 2000. С. 35.

²⁷ *Шумаков С.А.* Сотницы (1537–1597 гг.), грамоты и записи (1561–1696 гг.). Вып. 1. М., 1902. № IX–X. С. 64–74; Сотная 1544 г. с писцовых книг Т.А. Карамышева на земли Кирилло-Белозерского монастыря в Вологодском уезде / Публ. Л.С. Прокофьевой // Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). Вологда, 1981. С. 87–94; *Баинин Н.В.* Сотная грамота Т.А. Карамышева на вотчину Григорьево-Пельшемского Лопотова монастыря в Замошской волости Вологодского уезда 1543/44 г. // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1. С. 243–251. Сотные грамоты Спасо-Прилуцкому и Дионисиево-Глушицкому монастырям 1543/44 г. были введены в научный оборот Н.А. Рожковым, который отметил высокий процент починков, однако мои подсчёты расходятся с приведенными им данными. В частности, в вотчине Глушицкого монастыря насчитывается 23 (31%) починка, а не 32 (38.1%) (*Рожков Н.А.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М., 1899. С. 327). Историк также воспользовался выписью из сотной грамоты Т.А. Карамышева 1543/44 г. Кирилло-Белозерскому монастырю, включённой в жалованную имущественную грамоту этой обители от 20 марта 1556 г. Однако в этом акте приведён не весь текст сотницы, а только сведения о поселениях в Маслене и Сизьме (Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. 1334–1598. СПб., 1841. Т. I. № 163. С. 310).

²⁸ Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: Исследование и тексты. Вологда, 2011. С. 124, 150, 250, 327.

²⁹ Архив СПбИИ РАН, кол. 117, оп. 1, д. 2, ст. 1.

³⁰ *Кашианов С.М.* Из истории русского средневекового источника. Акты X–XV вв. М., 1996. № 8. С. 149; *Карамышев О.М.* Служилый род Московской Руси: Карамышевы. СПб., 2009. С. 36–40; *Васильев Ю.С.* Аграрные отношения...; *он же.* Поуездный указатель материалов писцового делопроизводства по Северу России XVI в. (писцовых книг, сотных, выписей из них, платежных) // Крестьянство Севера России в XVI в.: Межвузовский сборник научных трудов. Вологда, 1984. С. 176; Переписные книги вологодских монастырей... С. 40, 124, 150, 207, 235, 250, 327; *Черкасова М.С.* Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв.: исследование и опыт реконструкции. Вологда, 2012. С. 54, 75, 85, 107, 127, 220, 222, 229, 242, 294–295, 335, 480.

³¹ Подробнее см.: *Карамышев О.М.* Указ. соч. С. 11–14; *Чернов С.З.* Волок Ламский в XIV – начале XVI в.: административно-территориальное устройство и структура землевладения // Архив русской истории. Вып. 4. М., 1994. С. 89–90, 102.

Этимология этой фамилии (родового прозвища) восходит к тюркскому слову, в переводе означающему «защитивший»³². В первой половине XVI в. известны три полных тёзки из рода Карамышевых: родные братья Тимофей Старший Андреевич Карамышев и Тимофей Меньшой Андреевич Карамышев, а также их двоюродный брат – Тимофей Большой Андреевич Карамышев³³. О.М. Карамышев, исследуя генеалогию рода Карамышевых, пришёл к выводу, что описание Вологодского уезда мог проводить Т.А. Большой Карамышев или Т.А. Старший Карамышев (Т.А. Меньшой Карамышев в 1540-х гг. был ещё юн)³⁴.

Рассмотрим четыре сохранившихся сотных грамоты на монастырские вотчины в Вологодском уезде, которые выдали эти писцы. В них перечисляются сёла, сельца, деревни, починки, пустоши, займища, дворы, «люди», а в конце даётся суммарное их количество, а также число сох как окладных единиц. Поэтому эти сотницы относятся к наиболее развитому виду таких документов³⁵.

Сотные грамоты были выданы двум крупным вотчинникам – Кирилло-Белозерскому и Спасо-Прилуцкому монастырям и двум небольшим обителям – Дионисиево-Глушицкой и Лопотовой Григорьево-Пельшемской. В сотницах описаны населённые пункты на территориях, располагавшиеся рядом с Вологодой: прилуцкие сёла Коровничье и Выпрягово на р. Вологде; в 10–20 верстах от Вологды: кирилловская вотчина к западу и юго-западу в Городском стане, в Городском стане в Тошне, прилуцкая вотчина к северо-востоку в Оларевой слободке, в Троицком углу; в 20–90 верстах от Вологды: кирилловская вотчина к северо-западу в Сяме, к северо-западу и западу в Маслене и в Сизме, прилуцкая вотчина к востоку в Авнеге, к западу в Тошне и Домшине, к юго-западу в Водеге, глушицкая вотчина к северо-востоку в Бохтюге, лопотовская вотчина к северо-востоку в Замошской волости³⁶.

В сотных грамотах зафиксированы сведения о монастырских вотчинах разных размеров (в кирилловских землях – 155 поселений; в прилуцких – 91; в глушицких – 74; в лопотовских – 32). Эти владения располагались в нескольких частях Вологодского уезда и находились в различной степени удалённости от Вологды, дорог и водных путей. Таким образом, волей случая сохранились документы, в которых содержатся репрезентативные сведения о процессе хозяйственного освоения земель в уезде, что повышает ценность статистических данных, которые были получены при обчёте сотниц.

Так, в сотнице Кирилло-Белозерскому монастырю после описания поселений в Городском стане и подведения итогов по этой части вотчины названы два починка и отмечено: «Кирилловские же починки садятся ново, пашни нет»³⁷. В другой части кирилловской вотчины после описания поселений в Маслене переход к другой волости сделан следующим образом: «На Сизме же деревни и починки монастырские же Кирилова монастыря новые, сели после писма»³⁸.

³² Карамышев О.М. Указ. соч. С. 15–16.

³³ Там же. С. 241–242.

³⁴ Там же. С. 36, 242.

³⁵ Капитанов С.М. Финансы Средневековой Руси. М., 1988. С. 39–40.

³⁶ Ивина Л.И. Указ. соч. С. 182, 184, 189, 190; Многие населённые пункты, упомянутые в этих сотных грамотах, существовали в XIX в. (Списки населённых мест Вологодской губернии. СПб., 1866), часть из них известна в XX – начале XXI в. (Родословие вологодской деревни...; Общегеографический региональный атлас. Вологодская область. М., 2001). Полный учёт и локализация этих поселений является отдельной задачей, которая полностью ещё не выполнена.

³⁷ Сотная 1544 г. с писцовых книг Т.А. Карамышева... С. 90.

³⁸ Там же. С. 93.

Завершает документ описание 12 починков, предваряемое фразой: «Кирилова же монастыря починки садятся на новь, на лесу, пашни нет»³⁹.

Об активном хозяйственном освоении свидетельствует и сотная грамота Спасо-Прилуцкому монастырю. В Авнеге описываются 8 починков и 3 займища⁴⁰, «вверх по речке по Великой починки садятца ново, пашни нет»⁴¹. После итогов описания сельца, деревень и починков в Водеге и Домшине следуют сведения о 12 починках и 3 займищах, которые возникли недавно: «Монастырские же починки без пашни и займища»⁴². Л.И. Ивина отметила, что в 10–12 верстах южнее Вологды в Троицком углу на р. Лосте Прилуцкому монастырю в 1540-х гг. принадлежало 13 деревень и 2 починка, но по актам 1460–1480-х гг. в этой местности среди владений монастыря известны только пожни и рыбные ловли⁴³.

В сотниках Глушицкому и Лопотову монастырям также находим сведения об освоении новых земельных участков. В глушицкой вотчине зафиксирован процесс возникновения 6 починков: «Глушитцкого же монастыря починки новые, пашни нет»⁴⁴. В лопотовской вотчине отмечен факт расширения запашки в д. Кокшарово: «Тое же деревни за полем от болота припашь»⁴⁵, а после подведения общих итогов по вотчине названы два починка, которые характеризуются как «монастырские же починки без пашни»⁴⁶.

Писцы отмечали не только основание новых поселений, но и уточняли волостные границы. Сведения об этом находим в сотной грамоте Лопотову монастырю: «Лопотовские деревни, что были в Гороцком стану в Засудемье, а приписаны к их же деревням к замошским, а стоят с одно»⁴⁷. Таким образом, Т.А. Карамышев и Н. Милославский зафиксировали состав поселений в этой части Замошской волости Вологодского уезда.

В сотных грамотах содержатся сведения об основании новых монастырей. В вотчине Прилуцкого монастыря в Авнеге при впадении р. Великой в р. Лежу описан «монастырек Дмитрея Прилуцкого займище, а в нем церковь Воскресение Христово, а у ней игумен да 3 старицы»⁴⁸. В этом месте преп. Дмитрий Прилуцкий около 1371 г. основал церковь в честь Воскресения Христова, вокруг которой в первой половине XVI в. и возникла небольшая женская обитель⁴⁹. К ней и тянули отмеченные выше новые 8 починков и 3 займища. В сотной грамоте Лопотову монастырю зафиксировано основание

³⁹ Там же. С. 94.

⁴⁰ Займище – «участок земли (вдали от деревни, вне общественных земель), занятый кем-либо для хозяйственного использования» (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. М., 1978. С. 204). У В.И. Даля займище определяется как «место, занятое под распахку, расчистку», «отхожие пустоши и леса, занимаемые местами под пашню и покосы» (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. А–З. СПб., 1996. С. 581).

⁴¹ *Шумаков С.А.* Указ. соч. С. 72.

⁴² Там же. С. 73.

⁴³ *Ивина Л.И.* Указ. соч. С. 189.

⁴⁴ Там же. С. 66–67.

⁴⁵ *Башин Н.В.* Указ. соч. С. 247.

⁴⁶ Там же. С. 248.

⁴⁷ Там же. С. 247.

⁴⁸ *Шумаков С.А.* Указ. соч. С. 72.

⁴⁹ Подробнее см.: *Зверинский В.В.* Материалы для историков топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т. 3. СПб., 1897. С. 47. № 1525; *Черкасова М.С.* Указ. соч. С. 28; *Ивина Л.И.* Указ. соч. С. 190; *Водарский Я.Е., Истомина Э.Г.* Указ. соч. С. 290.

новой обители: «Лопотова же монастыря пустынка, стала ново на речке на Кобыленке меж Корбанги и Двиницы, займищо Лопотова же монастыря старца Ивана, а в нем церковь Троица Святая да теплая Никола Чюдотворец»⁵⁰. К этой пустыньке тянули 6 починков по берегам рек Кобыленки и Калнаксы. В работах П.М. Строева, В.В. Зверинского и Я.Е. Водарского эта обитель не упоминается⁵¹.

В дополнение к приведённым сведениям отметим, что игумен Фёдор по благословению митрополита Макария основал Спасо-Преображенскую Глубокоозерскую пустынь (впоследствии приписная к Спасо-Прилуцкому монастырю) и 6 июля 1546 г. получил жалованную тарханно-несудимую грамоту от Ивана IV с правом расчистки и освоения займищ вокруг обители на границе Вологодского, Важского и Каргопольского уездов⁵². Согласно этому акту, пустынь возникла «на черном лесу на диком», где рядом раньше были займища, а к 1546 г. они «лежат пусты, нет их ни за кем». По челобитью игумена Фёдора, Иван IV «велел есми им тот лес розчищати на все стороны от монастыря по двенадцати верст, и монастырь строити, и займища розпахивати, и людей к себе призывати»⁵³.

В привлечённых для исследования сотных грамотах названы храмы в монастырских вотчинах. В вотчине Кирилло-Белозерского монастыря в селе Спаском находилась церковь «Преображение Спасово», в Сяме на «монастырской земле» стояла церковь Афанасия и Кирилла Александрийских⁵⁴. Во владениях Спасо-Прилуцкого монастыря зафиксированы в сельце Коровничьем церковь Николая Чудотворца и тёплая церковь во имя Всех Святых, в Домшине в сельце Ермолинское – церковь Николая Чудотворца и тёплая Космы и Домиана⁵⁵. В глушицких владениях располагались две приходские церкви: в деревне Великий Двор – св. Леонтия Ростовского (в XV в. это был женский монастырь), а в деревне Кузьминское – Космы и Домиана⁵⁶. Во владениях Лопотова монастыря в деревне Никольское были две церкви: Николая Чудотворца и тёплая Дмитрия Солунского, а «на монастырской земле» – Покрова Богородицы и тёплая Николая Чудотворца. Здесь же отмечено, что «ставят те церкви Замошские волости крестьяне с монастырскими крестьяны вопче»⁵⁷. Таким образом, монастыри одновременно с хозяйственным освоением края способствовали и формированию церковно-приходской структуры.

Как видим, кадастровые документы зафиксировали возникновение новых поселений, когда крестьяне вырубали лес, расчищали место под запашку и садились на «новь», а также строили церкви, в то время как иноки основывали монастыри. Очевидно, что процесс хозяйственного освоения шёл несколько десятилетий, поскольку не все починки в документах фигурируют как «новые».

⁵⁰ Башнин Н.В. Указ. соч. С. 248. Эта пустынь известна по документам начала XVII в. (Шамина И.Н. Документы по истории Григориева Пельшемского монастыря XVII – начала XVIII века // Вестник церковной истории. 2011 № 3/4 (23/24). С. 30).

⁵¹ Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. М., 2007; Зверинский В.В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Монастыри по штатам. Т. 1–3. СПб., 1890–1897; Водарский Я.Е., Истомина Э.Г. Указ. соч.

⁵² Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук (далее – ААЭ). Т. I. СПб., 1836. № 208. С. 197–198. См. также: Черкасова М.С. Указ. соч. С. 128.

⁵³ ААЭ. Т. I. № 208. С. 197.

⁵⁴ Сотная 1544 г. с писцовых книг Т.А. Карамышева... С. 87, 91.

⁵⁵ Шумаков С.А. Указ. соч. С. 70, 72.

⁵⁶ Там же. С. 67.

⁵⁷ Башнин Н.В. Указ. соч. С. 247, 248.

Общая картина сельского расселения по данным сотных грамот 1543/44 г. (количество сёл, селец, деревень, починков, займищ, пустошей, дворов, дворность поселений) представлена в таблицах 1 и 2.

Из таблицы 1 видно, что в монастырских владениях преобладают живущие поселения, а также зафиксировано значительное количество починков. В трёх вотчинах это значение близко и составляет около 31%, а на землях Лопотова монастыря оно несколько выше – 41%. П.А. Колесников отмечал, что «в социально-экономическом отношении починков, выставок, займище, выселок – это различные наименования поселений, отражавших в XVI–XVII вв. в основном начальный процесс устройства земледельческого хозяйства»⁵⁸. Количество пустошей во владениях Кирилло-Белозерского, Спасо-Прилуцкого и Глушицкого монастырей низкое и колеблется от 2.5 до 4%. В самой небольшой вотчине Лопотова монастыря пустошей не зафиксировано вовсе. Сёла и сельца существовали только в вотчинах Кириллова и Прилуцкого монастырей (2 и 3, соответственно). Основным типом поселения во владениях четырёх обителей была деревня (всего 221), а починков зафиксировано в два раза меньше – 111.

Существуют некоторые различия в структуре землевладений. Вотчины Кирилло-Белозерского и Спасо-Прилуцкого монастырей в Вологодском уезде сопоставимы по количеству крестьянских дворов (345 и 346, соответственно), однако общее количество дворов в прилуцких землях выше (400), при этом деревень в кирилловских землях в два раза больше (101 и 52, соответственно). Это объясняется тем, что у монастыря, основанного преп. Дмитрием Прилуцким вблизи Вологды, находились два крупных подмонастырных села – Выпрягово и Коровниче, где проживали монастырские «крестьянские торговые люди и мастеровые», причём в Выпрягове отдельно перечислены «слуги монастырские, и конюхи, и мастеровые люди монастырские, иконники, и швали, портные мастера, и сапожники, и плотники, и кузнецы, и кирпичники, и всякие мастеровые люди»⁵⁹. Эти особенности монастырской вотчины связаны с близостью Спасо-Прилуцкого монастыря к Вологде (около 5.5 вёрст) и участием монастыря в торговых операциях.

Сведения о дворности поселений в монастырских вотчинах в Вологодском уезде по данным сотных грамот приведены в таблице 2. Как видим, большинство поселений в монастырских вотчинах были 1- и 2-дворными. В вотчине Спасо-Прилуцкого и Глушицкого монастырей поселений такого типа было чуть больше – 56%. В наиболее многочисленной по количеству поселений вотчине Кирилло-Белозерского монастыря это значение выше и составляет почти 70%. Наконец, в самой небольшой вотчине Лопотова монастыря процент малодворных поселений высок – более 80%. Поселениями с таким количеством дворов были починки и деревни.

Проанализируем дворность починков. В вотчине Кирилло-Белозерского монастыря их было 48, при этом большинство являлись однодворными – 26, двухдворными – 17, трёхдворных – 5. В вотчине Спасо-Прилуцкого монастыря из 27 починков однодворных – 5, двухдворных – 8, трёхдворных – 12, четырёхдворных – 2. В вотчине Глушицкого монастыря из 23 починков один пустовал, в двух стояли монастырские дворы; из оставшихся 20 починков однодворных было 7, двухдворных – 8, трёхдворных – 4, пятидворный – 1. В вотчине Лопотова монастыря всего находилось 13 починков, среди них однодворных было 7,

⁵⁸ Колесников П.А. Северная деревня... С. 75–76.

⁵⁹ Шумаков С.А. Указ. соч. С. 69.

Таблица 1

Сельское расселение и население в монастырских вотчинах
в Вологодском уезде в 1543/44 г.

Монастыри	Поселения										Дворы		
	Сёла и селца	Деревни	Починки	Займища	Всего «живущих»	Пустоши	Всего	% пустошей	% починков	Крестьянские	Прочие	Всего	
Кирилло-Белозерский Спaso-Прилуцкий Глушицкий Лопотов	2	101	48	–	151	4	155	2.6	30.9	345	8	353	
	3	52	27	6	82	3	91	3.5	31.8	346	54	400	
	–	48	23	–	71	3	74	4	31	176	14	190	
	–	20	13	1	32	–	32	–	41.6	63	4	67	

Составлено по: Шумаков С.Л. Указ. соч. Вып. 1. М., 1902. С. 64–74; Сотная 1544 г. с писцовых книг Т.А. Карамышева... С. 87–94; Башиин Н.В. Указ. соч. С. 243–251.

Таблица 2

Дворность поселений в монастырских вотчинах в Вологодском уезде в 1543/44 г.

Монастыри	Поселения	Поселения, в которых было дворов										Дворы		Дворность	% одно- и двухдворных поселений	% трех- и четырех-дворных поселений	% пяти-дворных и более поселений
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10 и более	Дворы					
Кирилло-Белозерский Спaso-Прилуцкий Глушицкий Лопотов	151	38	66	29	7	5	2	2	–	–	1	345	2.3	2.3	68.9	23.8	7.3
	82	15	31	21	8	1	–	–	–	–	4	346	4.2	4.2	56	35.4	8.6
	71	13	27	17	6	4	2	2	–	–	–	190	2.6	2.6	56.3	32.4	11.3
	32	7	19	4	2	–	–	–	–	–	–	67	2.1	2.1	81.3	18.7	–

Составлено по: Шумаков С.А. Указ. соч. Вып. 1. М., 1902. С. 64–74; Сотная 1544 г. с писцовых книг Т.А. Карамышева... С. 87–94; Башиин Н.В. Указ. соч. С. 243–251.

двухдворных – 3, по одному трёх- и четырёхдворному, а в одном дворов не зафиксировано.

Из приведённых данных заключаем, что осваивать новые земли крестьяне часто уходили не одной семьёй, а двумя и даже тремя. Но в большинстве починки всё же были однодворными – 45 из 111, двухдворных же было 36, трёхдворных – 22, четырёхдворных – 3 и один пятидворный. Следовательно, типичным починком было 1- или 2-дворное поселение. Наиболее населённые починки находились в вотчине Спасо-Прилуцкого монастыря.

Из однодворных починков могли возникать деревни. Вероятно, крепкая крестьянская семья, которая ушла на «новочисть», по прошествии нескольких лет делилась, и писец уже фиксировал поселение из трёх дворов близких родственников. Такие случаи известны на землях Кирилло-Белозерского монастыря: «Деревня Прядейкино на речке на Уломке: во дворе Осейко Иванов, во дворе сын Гридька, во дворе сын же ево Поздейко»; «Деревня Ковригино на Лапсаре же: во дворе Булдей Василев, во дворе сын ево Поздейко, во дворе Назарко Булдин»⁶⁰. Обратим внимание, что в обоих случаях один из сыновей именуется Поздейком, что может говорить о его позднем появлении на свет, а следовательно, о значительной возрастной разнице у жителей деревни. Писец часто фиксировал в починках и деревнях близких родственников (братьев, сыновей), проживавших вместе или же каждый со своей семьёй в отдельном дворе.

Количество трёх- и четырёхдворных поселений по анализируемым сотным грамотам меньше и колеблется от 19 до 35%, а населённых пунктов с пятью и более дворами меньшинство – от 7 до 11%, в вотчине же Лопотова монастыря таких поселений не зафиксировано. Средняя дворность поселений в трёх вотчинах была чуть больше 2, а во владениях Спасо-Прилуцкого монастыря 4.2.

Дополним картину хозяйственного освоения Вологодского уезда в первой половине XVI в. Л.И. Ивина приводит сведения о том, что в вотчине Павлова Обнорского монастыря в первой половине XVI в. появилось 33 новых починка⁶¹; во владениях Корнилиево-Комельского монастыря в Обнорской волости в 1531 г. было 11 деревень и 2 займища, в Комельской волости в 1531 г. – 18 починков и 9 займищ, в 1538 г. зафиксировано 78 починков. Приведя эти данные, Ивина подчеркнула, что вокруг Корнилиево-Комельского монастыря «при непосредственном его участии в 30-х гг. XVI в. происходил бурный рост поселений»⁶². В конце 20-х гг. XVI в. возник Арсениев Комельский монастырь, к 1543 г. за ним значились 5 починков⁶³.

Некоторые сведения о хозяйственном освоении земель к югу от Вологды в Первой половине уезда на обширной территории Лежского Волока в первой половине XVI в. можно получить, используя методику ретроспективного анализа источников начала XVII в. Так, 28 октября 1624 г. Фёдор Иванович Измайлов и подъячий Михаил Бухаров выдали «с книг писма своего и меры» архиепископу Вологодскому и Великопермскому Корнилию сотную грамоту⁶⁴. После описания владений Вологодского архиерейского дома в Лежском Волоке и подведения итогов в ней сообщается, что в этой же местности другие «пустоши

⁶⁰ Сотная 1544 г. с писцовых книг Т.А. Карамышева... С. 92, 93.

⁶¹ Ивина Л.И. Указ. соч. С. 203.

⁶² Там же. С. 205.

⁶³ Там же. С. 209–210.

⁶⁴ РГАДА, ф. 281, д. 2694/123, л. 1.

писаны по росписи, какову дал Вологодского архиепископа приказной человек Глеб Патрекеев за своею рукою». Приведём цитату, которая свидетельствует о том, что возникновение поселений (которые запустели), можно отнести к 1540-м гг.: «Пустоши заросли болшим лесом и пустеют изстари, а по новому писму те пустоши не написаны, потому что крестьяне сходятца вновь и тех пустошей мало знают, и от жилых деревень поудалели и за далиною писцов на те пустоши не водили»⁶⁵. Всего описано 23 пустоши, при этом в названиях четырёх из них содержатся термин «займище» и имена крестьян (осваивавших эти земли), ставшие топонимами: «Займище Олексино», «Займище Забелинцово», «Щедринское Займище на речке Сеенге», «Займище Кондыря Кузмина»⁶⁶.

Приведённые данные свидетельствуют об активном процессе хозяйственного освоения земель, который одновременно происходил в разных волостях Вологодского уезда. Таким образом, именно в 1530–1540-х гг. в регионе шла внутренняя колонизация и создавалась сеть сельских поселений за счёт переселения крестьян на ещё не освоенные территории, а монастыри способствовали распространению земледелия на новых участках. По подсчётам З.В. Дмитриевой, в 1540-х гг. в Белозерском уезде в вотчине Кирилло-Белозерского монастыря процент починков также был значителен – 40% от всех поселений⁶⁷. Большинство поселений в этом регионе, так же как и в Вологодском уезде, были малодворными. Как показала Н.П. Воскобойникова, основная масса поселений в Яренском уезде возникла до середины XVI в.⁶⁸ Отметим, что на Северо-Западе России и в Западном Поморье (Заонежье) этот процесс в начале XVI в. уже заканчивался⁶⁹, а в Восточном (Вятская земля и Приуралье) внутренняя колонизация активно развернулась только в XVII в., после Смуты⁷⁰.

Во второй половине XVI в. и во время Смуты многие деревни и сёла запустели⁷¹. По сведениям А.С. Емельянова, в 1590 г. в вотчине Спасо-Прилуцкого

⁶⁵ Там же, л. 9.

⁶⁶ Там же, л. 10.

⁶⁷ Дмитриева З.В. Белозерский уезд (Кирилло-Белозерский монастырь) // Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование). Л., 1989. С. 46.

⁶⁸ Воскобойникова Н.П. К истории поселений Яренского уезда в конце XVI – начале XVIII в. // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вып. 2. Вологда, 1970. С. 377.

⁶⁹ Подробнее см.: Дегтярев А.Я. Сельские поселения Северо-Запада России // Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л., 1978. С. 145–154; Осьминский Т.И. Население новгородских пятин в конце XV в. // Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. Л., 1971. С. 324–325; Витов М.В. Исторические очерки Заонежья XVI–XVII вв. М., 1962. С. 228–229; Колесников П.А. Северная деревня... С. 89.

⁷⁰ Колесников П.А. Северная деревня... С. 101–102.

⁷¹ Учёные отмечают, что на начало 1570-х гг. выпали различные бедствия: неблагоприятные метеорологические условия, опричный террор в Новгороде, эпидемия чумы, а XVII в. начался с климатических катаклизмов и неурожаев. В 1610-х гг. северные деревни разоряли военные отряды. Подробнее см.: Суворов И.Н. Разорение Вологодского края в 1612–1613 годах // Вологодские епархиальные ведомости. 1881. № 21. С. 377–378; Осьминский Т.И., Озеринин Н.В., Брусенский И.И. Очерки по истории края (Вологодская область). Вологда, 1960. С. 94–95, 100; Станиславский А.Л. Восстание 1614–1615 гг. и поход атамана Баловня // Вопросы истории. 1978. № 5. С. 111–126; он же. Казачье движение 1615–1618 годов // Вопросы истории. 1980. № 1. С. 104–116; Васильев Ю.С. Борьба с польско-шведской интервенцией на Русском Севере в начале XVII в.: Учебное пособие к спецкурсу. Вологда, 1985; Осьминский Т.И., Шатило А.Л. Движение населения, запустение, кризис // Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятинны. Л., 1974. С. 290–299; Осьминский Т.И. Население Новгородских пятин, Псковской земли и Поморья // Аграрная история Северо-Запада России XVI в. ... С. 136–144;

монастыря была заброшена четвёртая часть крестьянской пашни, 45 деревень перешли в пусто. Разорение прилуцких земель продолжилось в начале XVII в. В 1610 г. пустующей пашни было уже 48.5%, а к прежним «пустым селениям прибавилось вновь запустевших 41 селение»⁷². Л.И. Ивина также приводит сведения о запустении в землях Спасо-Прилуцкого монастыря: в Водожской волости в XVI в. были сельцо, деревня, 4 починка, 12 починков без пашни и 3 займища, а в 1620-х гг. – 1 село, 6 деревень и 31 пустошь⁷³; в Троицком углу Городского стана в XVI в. были 13 деревень и 2 починка, а в 1620-х гг. сельцо, 3 деревни и 10 пустошей⁷⁴. В вотчине Павлова Обнорского монастыря по соотной 1631 г. находились 33 «живущих» поселения и 25 пустошей⁷⁵. В землях Глушицкого монастыря по дозору 1615 г. из 83 населённых пунктов стояли пустыми 57, живущих селец и деревень всего 31%⁷⁶. По подсчётам И.Н. Шаминой, в 1624 г. в вотчине Лопотова монастыря зафиксированы 2 села, 9 деревень (1 пустая) и 24 пустоши⁷⁷. Большинство населённых пунктов, запустевших в 1570–1580-х и 1600–1610-х гг., в течение XVII столетия не возродились. Запустение этих поселений и их последующее забвение объясняется не только военными действиями, социально-экономическими и климатическими факторами. Во время пика внутренней колонизации в 1530–1540-х гг. крестьяне часто садились на земли худшего качества, чем те, где уже стояли деревни, поэтому кризисные явления в первую очередь сказывались на этих поселениях.

В XVII в. развитие монастырских вотчин пошло уже по иному пути. В источниках зафиксированы укрупнение поселений и распашка земель, уже побывавших в хозяйственном обороте. А.С. Емельянов считал, что в условиях разорения и запустения крестьянских поселений в конце XVI – начале XVII в. этот процесс происходил на землях Спасо-Прилуцкого монастыря по инициативе его властей. Владельческая политика состояла в концентрации населения в укрупняемых деревнях и сёлах, а мелкие селения на периферии вотчины переводили в пусто. Производилось это, по мнению учёного, «с определённой целью: укрепить внутривотчинную дисциплину», предотвратить бегство крестьян и тем самым обеспечить «исправное поступление оброков и отбывание издельных повинностей»⁷⁸. Емельянов подчеркнул, что крестьянская пашня сокращалась, в то время как монастырская запашка увеличивалась⁷⁹. Эту же тенденцию отметила Н.П. Воскобойникова: в Яренском уезде к середине XVII в. процесс колонизации закончился и «наметилась тенденция к объединению мелких деревень в более крупные»⁸⁰. Ю.С. Васильев резюмировал, что в Поморье в XVII в. «в основном идёт процесс укрупнения существующих посе-

Воробьёв В.М. Сельское население Новгородских пятин // *Аграрная история Северо-Запада России XVII века...* С. 8–19; *Дмитриева З.В.* Белозерский уезд... С. 46–49; *Васильев К.Г., Сегал А.Е.* История эпидемий в России (Материалы и очерки). М., 1960. С. 50; *Борисенков Е.П., Пасецкий В.М.* Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988. С. 190, 201, 326.

⁷² Архив СПбИИ РАН, ф. 276, оп. 2, д. 51 (*Емельянов А.С.* Крестьяне вологодской монастырской вотчины (конец XVI – начало XVII в.). Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1941. Машинопись), л. 96, 107.

⁷³ *Ивина Л.И.* Указ. соч. С. 182–183.

⁷⁴ Там же. С. 189.

⁷⁵ Там же. С. 203.

⁷⁶ РГАДА, ф. 1209, кн. 62, л. 1212–1256.

⁷⁷ *Шамина И.Н.* Документы по истории... С. 31.

⁷⁸ Архив СПбИИ РАН, ф. 276, оп. 2, д. 51, л. 113–114.

⁷⁹ Там же, л. 114.

⁸⁰ *Воскобойникова Н.П.* К истории поселений Яренского уезда... С. 377.

лений», заканчивается приток населения в Западное и Центральное Поморье, а «естественно удобные для земледелия земли в этих районах почти полностью втянуты в хозяйственный оборот»⁸¹. Эти изменения в длительной хронологической перспективе проследил П.А. Колесников и пришёл к выводу, что «процесс уменьшения числа жилых деревень и увеличения пустошей, начавшийся с середины XVI в., продолжался до XIX в.»⁸².

Проведённое исследование показало, что ряд наблюдений, устоявшихся в историографии, можно конкретизировать на основании совокупности введённых в научный оборот писцовых материалов 1540-х гг. Понятие «монастырская колонизация» по-прежнему актуально. Под ним подразумевается не только монастырское строительство в различных регионах Московской Руси, но и участие церковных властей в процессе освоения земель, вошедших в состав их вотчин. Заселению владений духовных вотчинников способствовали различные имущественные привилегии обитателей и льготы, предоставляемые монастырской администрацией крестьянам.

Появление новых населённых пунктов в 1530–1540-х гг. обусловлено относительным политическим, военным и экономическим благополучием в Московской Руси и на Русском Севере. Развитие сети сельских поселений пошло по пути увеличения их количества, однако природно-климатические особенности региона (суровая зима, весенние заморозки, ранний снег, преобладание подзолистых и дерново-подзолистых почв, высокий процент заболоченности и избыточная влажность) в совокупности с общероссийскими кризисами 1570–1580-х гг., первых десятилетий XVII в. и владельческой политикой вотчинников привели к запустению значительной части селений и укрупнению других. В XVII в. крестьяне в Вологодском уезде жили в разрастающихся деревнях и сёлах и не селились на пустошах, земли которых только частично возвращались в хозяйственный оборот.

⁸¹ Васильев Ю.С. Аграрные отношения... С. 36.

⁸² Колесников П.А. Северная деревня... С. 93.

Городской голова Н.А. Алексеев и Московская дума в 1885–1893 гг.

Константин Полещук

Mayor N.A. Alexeev and the Moscow City Duma, 1885–1893
Konstantin Poleschuk (Museum of Moscow, Russia)

Конец XIX в. вошёл в историю Москвы как время активного созидания. Город становился благоустроенным европейским мегаполисом: сооружались новые торговые ряды на Красной площади, здание городской думы, больницы, школы, совершенствовалась транспортная система, были построены новые скотобойни, реконструирован водопровод, начались работы по созданию системы канализации. Жители Первопрестольной связывали благотворные